

Алкоаод Де Рево
18+

Нодитичекие запиеобки

Аскольд Де Герсо

Поэтические зарисовки

«Издательские решения»

Де Герсо А. А.

Поэтические зарисовки / А. А. Де Герсо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552998-5

В этом поэтическом сборнике представлена впервые полная версия поэмы «Дева-волк», также в сборник вошли лучшие, по мнению автора и многих читателей, стихи.

ISBN 978-5-00-552998-5

© Де Герсо А. А.
© Издательские решения

Содержание

Стихи	6
Поэтические зарисовки	7
Детство	8
Осень	9
Краски осени	10
Автобиографическое	11
Художник	12
Весна	13
Вечер	14
Брошенный мир	15
Дом на окраине	16
Ты	17
Что значит слово?	18
Взгляд на историю	19
Волк	20
Волчонок	21
Дань памяти	22
Заполярье	23
Полярная экспедиция	24
Зима	25
Заполярный город	26
Иисус	27
Совесь	28
Человек	29
Театр абсурда	30
Крестьянин	31
Мудрец	32
бурлаки	33
Бурлаки – 2	35
Бурлаки – 3	36
Вера или безверие?	38
Память	39
Тебе...	40
Верь	41
Небольшие стихи на детскую тему, что для меня не то, чтобы не ново, но не привычно...	42
Дон жуан	43
Огонь любви	44
Автобиографическое – 2	45
Однажды ты поймёшь	46
Полярникам...	47
Усы и борода заиндевели	48
О былом	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Поэтические зарисовки

Аскольд Алексеевич Де Герсо

© Аскольд Алексеевич Де Герсо, 2022

ISBN 978-5-0055-2998-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

Поэтические зарисовки

Память устала жалить,
Мысли летят невпопад.
Жизнь стремилась ударить,
Как всегда, наугад.

Только вышла промашка,
Я предвидел удар.
И отметить спешу я,
Есть всегда «Солнцедар».

Есть «родопи» в кармане,
Проблемы выпустить в дым.
У тихой речки поляна
Шумом встретит родным.

Песня льётся знакомая,
Тост звучит под гармонь.
Тут же шутка нескромная...
Да только нынче всё сон.

* * * * *

Детство

Мне бы вновь вернуться в моё детство,
Где зеркальная поверхность серебристых вод.
Где ещё неведомо мне чувство —
Огорчений от взвалившихся невзгод.

Где восходы солнца дарят радость,
Озаряя синеву небес без края.
Где ещё неведома усталость,
И где мечтаешь, время обгоняя.

Где бы отыскать мне ту лазейку
В детство окунуться хоть на миг.
Но нельзя; и как бы мне в отместку —
Лишь напомнит журавлиный крик.

Журавлиный клин в осеннем небе,
Пролетит курлыча в дальние края.
Я ж лелеять буду мысли о побеге,
В детство, где нет ада и ни рая.

Осень

Вот и осень крадётся неспешно
Золотыми полями хлебов.
Уж не слышно считалок потешных
Сколь осталось ещё мне годков.

И только солнце печёт, как и прежде
Вянут листья под жаром лучей.
Тают лета хмельные надежды
В ожидании пасмурных дней.

* * * * *

Краски осени

Ярких красок осень не жалеет
Наряжая в золото берёзы.
Иль в багрянец клёны одевает
Расписав причудливо узоры.

Палитра красок гения-природы
Богата на тона, полутона.
Не ожидая за труды награды,
Рисует вдохновением полна.

Автобиографическое

Запросто писать я не умею
Пьяным тоже не пишу стихи.
Может быть когда-то овладею
Вдохновенье черпать из тиши.

Незловивым никогда я не был,
Ложью своё имя не пятнал.
Власть имущих не искал я дружбы
Правдой за рубли не торговал.

Не искал покоя среди бури,
Сам порою бурю вызывал.
Перо моё язвительной сатирой
Срывало нарисованный оскал

С тех лиц, не знавших правды,
Благонамеренных воров.
Что от врага принять награду
Ничуть не думая готов.

* * * * *

Художник

Стоял задумчиво художник у мольберта
И серый день заглядывал в окно.
По полу комнаты разбросаны портреты,
Эскизы, зарисовки, натюрморты и панно.

Холст загрунтован, краски под рукой,
И очертанья, в дымке перед ним.
Вот уголёк холста коснулся тонкой
Чертою. Лицо Христа, над головою нимб.

Лицо он это видел не однажды
И эти карие бездонные глаза.
Что два тысячелетия таят надежду,
Но люди, как и прежде прутся в ад.

* * * * *

Весна

И снова в городе весна,
Сквозь запах дыма аромат
Черёмухи, цветущей у окна,
Что смогла пробиться сквозь асфальт.

Бетонные кирпичные коробки,
Что высятся на девять этажей.
И бесконечные автомобилей пробки,
Лишившихся спокойствия людей.

А где-то за чертою городской,
Зелёный бор, размеренная жизнь.
Деревня, озеро и дышит всё покоем,
И птичий гомон, как весны сюрприз.

* * * * *

Вечер

Был вечер. Девушка стояла на перроне,
Шаловливый ветер всю причёску растрепал.
Музыка звучала где-то, помню, Мариконе
Когда несмело к ней я зашагал.

Змейкою блестят стальные рельсы,
Приглашая заглянуть за горизонт.
По стране проехать через версты,
Десятки часовых пересекая зон.

Но никуда не еду, всё без смысла, мир
Куда бы ни поехал – чернота.
Приплыли господа! Сушите весла!
О, как же прав был Бендер, ты, Остап!

* * * * *

Брошенный мир

Деревья расступились и предстала взору,
Деревня, позабытая людьми.
И на мир глядят немым укором
Глазницы окон, почерневшие с тоски.

Посредь села покинутая церковь,
Крестами устремилась в небеса.
А ведь когда-то здесь крестились и венчались,
Тому свидетельница неба синева.

На шумных улицах гуляли свадьбы,
Играла детвора, не заглушая смех.
Вершили жизнь здесь мужики и бабы,
И радости, и горя поровну на всех.

В субботний день топились бани,
Стлался по деревне ароматный дым.
А вечером бутылочку да под гармони
С огурчиком, хрустящим и родным.

Но после люди стали разъезжаться,
Бурьяном стали зарастать дворы.
И стало тихо в шумной некогда деревне,
А сколько их – покинутых в стране.

* * * * *

Дом на окраине

Едва заметен посреди крапивы
Почерневший деревенский дом.
Хозяев нет, а может быть не живы,
И вот он коротает день за днём.

Дверь покосилась, окна перебиты,
А ведь когда-то жили здесь.
Дым над трубою вился спозаранку
Семья с утра готовилась поесть.

Но годы шли и жизнь ушла из дома
Признали нерентабельными их.
И сад, как будто после бурелома
И никому не нужно яблоч наливных.

А сколько их разбросано в России
Не малых сёл, а целых городов.
Не потому ль духовно нынче нищие,
Что позабыли родину дедов.

Выходят на Бессмертный полк с плакатом,
А дед в слезах от виденного вокруг.
Едва ль мечтал искореняя он фашистов,
Что поросли подымутся не там, не вдруг.

Не думал он увидеть ту разруху
В стране, что уничтожила фашизм.
Он проклял бы и внука, и старуху,
Что вновь у нас царит капитализм.

* * * * *

Ты

Ты, где бы ни прошёл, повсюду за собой,
Ты оставляешь трупы, исковерканные судьбы.
Лишь горстка тех, что движимы тобой
Пока изображают некое подобье дружбы.

И всё же веришь в избранность свою,
Наивно полагая, что сие извечно.
Но только вечна – синева над головой,
А остальное, остальное – быстротечно.

Ведь даже горы, что веками возвышались
Однажды рушатся – уж такова природа.
И годы, годы, не смотря на всё умчались,
Всё ближе к смерти: у Вечности, у входа.

И как ты объяснишь Властителю всего?
Как оправдаешь властолюбие своё?
Что миру ты принёс? Совсем уж ничего?
И нынче райское ты пожелал житьё?

А знаешь ты, в раю таким нет места,
Да и в аду едва ли уголок найдёшь.
Ведь можно замесить повторно тесто,
А жизнь повторно, жизнь не проживёшь.

Что сделал и не сделал – записалось,
Да что мне пост твой и твои молитвы?
Ты мне скажи: что за тобой осталось?
Несчастные и нищие? Так извини: Увы...

Нет места изуверам на святейших небесах,
Земля, коль соблаговолит принять.
Был взвешен ты на жизненных весах,
Зло перевесило, я вынужден признать.

* * * * *

Что значит слово?

Забудь навеки слово «смерть»
Ведь смерти нет, всего лишь переход.
Не бойся никогда ты умереть
Ведь не боишься заглянуть за поворот.

Всего лишь переход от жизни этой к той
Где всё иначе, злату места нет.
И даже если в этой жизни был крутой,
За гранью жизни тебе почёт не светит.

Тебя забудут все: родные и друзья
Врагам же и по жизни был не в счёт.
И неподкупный пред тобой Судья
Твоим годам итоги подобьёт.

Продажного не будет рядом адвоката
Свидетелей не сможешь подкупить.
И с твоей земной последней даты
Лишь одному тебе сполна испить.

Взгляд на историю

И снова погружаюсь в глубь веков
В мир замков и дворцов средневековья.
Но вижу я, как спины бедняков
Прогнулись гнётом дворянского сословья.

Монарх и свита, щедрый стол в Версале,
Зимний ли дворец в Санкт-Петербурге.
Мужчины в масках, дамы под вуалью
И редкий господин среди них безрогий.

Но сколько спеси, громких слов о чести
Да слишком ей ничтожная цена.
И здесь готовы погубить лишь ради мести,
Такие нравы и такие времена.

* * * * *

Волк

Кто сказал, что взгляд волков жестокий,
Что волки кровожадны от природы?
Не ведал он, что для материи высокой
Он сам едва ли образец породы.

Жестокость волка, как его и кротость
Суть порожденье окружающей среды.
А что же знаешь ты про осторожность,
Когда готово сердце вырваться из груди?

Тебе не доводилось, как не волчьими глазами
Матёрый хищник может посмотреть.
Как не дано тебе, не выразить словам,
Ты ж человек – Величие Творца.

* * * * *

Волчонок

В волчицу выстрелил охотник, не подумав,
И мёртвая она упала в павшую листву.
И злобно зарычал громадный волкодав
К кустам метнулся, к скулящему комку.

И пусть был несмышлёнышем волчонок,
Но дорого решил продать себя.
Он вздыбил на загривке шерсть, чертёнок
И смерти прямо посмотрел в глаза.

Но только двое их: собака с человеком,
Здоровых крепких по сравнению с ним.
И всё ж не зря он прозывается волчонком
И самым умным хищником лесным.

Но удалось охотнику взять в руки
Волчонка, забыв, что волк умеет мстить.
Ты может быть и выстрелил от скуки,
Но как ты с этим дальше будешь жить.

Дань памяти

Над звездой пятиконечной пламя,
Часовой по стойке смирно на посту.
Они ушли, но они навечно с нами
Сквозь время пролегающем мосту.

Май того сорок пятого года
Из памяти народа не изъять.
И снова май и буйствует природа
И до столетия осталось двадцать пять.

Всё меньше тех, кому досталось
Пережить все ужасы войны,
Кто шёл вперёд, выплескивая ярость
На нарушителей спокойствия страны.

А сколько полегло в атаках и сраженьях
Солдатом неизвестным навсегда.
Над звездой пятиконечной пламя
Вечного огня как символа Победы.

* * * * *

Заполярье

И снова синевой отливает снег,
И бесконечность вдали затерялась.
И всё вокруг, как в детском сне,
Но нет. Суровая реальность.

Отсюда уходил Серов с друзьями,
Татарин пропал неподалёку.
На сотни миль один ты с медведями,
Но нет терзаний: мечта одна – дойти.

Рюкзак на спину и встаёшь на лыжи
Часть груза на санях, что позади.
Пусть колючий встречный втер режет, экспедиция
Одно твердишь: с дороги не сойти.

* * * * *

Полярная экспедиция

Немного лишь они не просчитали
И обступали льды со всех сторон.
Но что им лёд, надежды не теряли
И с каждым днём всё ближе, ближе он.

Настал момент, когда корабль встал
Борта скрипели от давленья льдов.
Он грустно улыбнулся, произнёс: привал,
В краю торосов и не тающих снегов.

В журнале бортовом осталась запись:
Зажато судно льдами, нет пути.
И неразборчивая на странице подпись,
И ниже: на собаках попытаемся дойти.

И нагрузили сани, запрягли собак
Как с человеком, попрощались с кораблём.
Залаял в нетерпенье головной вожак,
Как в подтвержденье: обязательно дойдём.

Зима

Снова снежные хлопья кружатся
В белой дымке скрывается даль.
Белым кружевом тихо ложатся,
Вновь зима. Снова в сердце печаль.

Надвигается вечер, алеет закат
И неспешно плывут облака.
Возвратить бы денёчек назад,
Да хоть час, чтобы длился века.

Невозможно, я знаю. И с вихрем
Снежных хлопьев хочу улететь.
Раствориться в тумане и тихо
Затеряться, исчезнуть навек.

* * * * *

Заполярный город

И вновь зима в краю полярном
И снова снег от края и до края.
Метели, как во сне кошмарном
Дороги заметают, устали не зная.

А где-то солнце, моря синева
И толпы отдыхающих на пляже.
Мы видели когда-то в синема
Джентльмен, как в фильме том, наряжен.

И где-то там под ритмы диско
Кружатся пары и искрится смех.
Гарсон приносит по бокалу виски
А здесь же за окном холодный снег.

Там жизнь, как будто без забот
Не ведомы полярные им ночи.
Но если прожил ты у нас лишь год,
Ты уезжать отсюда не захочешь.

К чему далекие тропические страны,
Когда есть тундра, океаны и леса.
Сегодня в зиму, завтра в лета зной,
Пересекая часовые пояса.

Иисус

Он в гору поднимался тяжело,
Едва переставляя ноги.
Венцом терновым обрамлено чело,
Неуж ученья таковы итоги?

Тяжёлый крест давил ему на плечи
Начало жизни, он же и конец.
Как слушали когда-то его речи
Чернец босой ли, разодетый на коне...

Но всё прошло и впереди Голгофа.
И жар чужими дланями загрёб Пилат.
Две тысячи лет, но вернись он снова
И, как прежде, был бы распят.

* * * * *

Совість

Батюшка, а вам знакомо слово «совість»?
Мальчонка, подойдя к попу спросил.
«А предам анафеме, – ответил он, – за ересь?»
И в новом «Порше» в город поп свалил.

Ну а мальчонка у ворот босой остался,
Глядел вослед и думал о своём.
Он многого не понял, но одно дознался:
К попам один подход – с рублём.

И долго пыль клубилась на дороге,
И солнышко пекло, всё иссушая.
В рублях заключена вся вера в Бога,
И хапают рубли не погнушаясь.

Так где же правда? Где же вера в Бога?
Иль дьявол торжествует на земле?
Но всё же верим, что судьба – дорога,
И Бог ещё не бросил нас во тьме.

* * * * *

Человек

И сотворён был человек Творцом
Подобием своим был сотворён.
И кто же оказался виноватый в том,
Что к дьяволу переметнулся он?

Он отдал предпочтение коварству
И власти, забыв про честь.
И есть ли место ныне благородству,
Когда повсюду лицемерие и лесть.

Довлеют силы тёмные над нами,
Соблазнами заманивают в сеть.
Никто нас не спасёт, покуда сами
Не осознаем, кто мы в мире есть.

Творец всемогущ и в его же власти
Простить людей в безумии людском.
Достигли мы черты, когда опасен
Последующий шаг в миру земном.

* * * * *

Театр абсурда

Как всё не сложно и не просто
Ложь преподносят, правдой обернув.
Я не найду ответа на вопросы,
Где-то по дороге не туда свернув.

И вместо лиц сплошные вижу маски,
Мерцает блеск дешёвой мишуры.
Под слоем нанесённой яркой краски
Заметно приступают очертания конуры.

Бездарная игра базарных лицедеёв
И роли, что назначил режиссёр.
И только зритель в полном неведении
На лицах наблюдаю я восторг.

И в полном замешательстве оркестр
Запутался суфлёр в своих словах.
Ах, Воланд, Воланд – сей игры магистр
И Бегемот, что у тебя в ногах.

Крестьянин

Мужик в лаптях, холщовой рубашонке,
Решил прощенья испросить грехов.
Он хлеба чуть и соли положил в котомку
С тем вышел в путь покинув кров.

Он верил в церкви обретёт свободу,
Не зря ж приютом Бога величают.
А что религия приманка для народа,
Об этом проповедники не бают.

Перекрестясь прошёл мужик под своды,
Ещё не зная, как всё обернётся.
Святые лики, батюшка с кадилом,
Но нет того, что таинством зовётся.

А на иконе, что явлением Христа
Народу, мужик узрел видение иное:
Он не к народу шёл, он отступал
От тех, кому дороже злато и земное.

Мужик увидел также и другое:
В пространстве, что природою зовут —
Во всём Господь и проявленье Бога
И всё кругом Его конечный труд.

* * * * *

Мудрец

Он свято верил в благо для людей
И только этим жил уж столько лет.
Кормил в пруду, что рядом, лебедей
И всё искал на свой вопрос ответ.

Имеет завершение на этом свете зло
И можно ли перековать его в добро?
Блуждать в потёмках может суждено
Или стремиться к свету? Вновь вопрос.

Огонь во благо – если с ним дружить,
Но он же погубить тебя способен.
Тому легко и беззаботно жить
Кто с совестью в ладу, беззлобен.

И всё же: что есть зло на этом свете
С какою целью в мир привнесено?
Одно понятно: мы всегда в ответе
Когда бы, где бы не творилось зло.

* * * * *

бурлаки

Баржа загружена и слышно
Судовладельца громкий ор:
«Вставай, чего разлёгся, быдло!»
Режима царского позор.

И вот степенно бурлаки берутся
За ляжки, что лежат на берегу.
Натруженные кулаки сожмутся
И тянут бедолаги бечеву.

И никому до горемычных дела,
Как только двигайся вперёд.
Канат натянут до предела,
Бурлаки заменяют пароход.

И движется по Волге встреч теченью
Гружёная баржа неспешным ходом.
И только песня облегчает злоключенью
Тех бедолаг, что гнутся под ярмом.

Но песня ль то, вернее, стоны
Уставших от тяжёлого труда.
Но ведают о том они и волны,
Судовладельцу не до их суда.

Купцам важнее, чтобы их товар
Доставлен был на ярмарку и в срок.
В уме своём прикинул он навар,
То с детства им усвоенный урок.

И нет им дела, что отходят рано,
Что Вечность забирает мужиков.
Они считают барыши в кармане,
И подгоняют бедных бурлаков.

А как-то днём, когда остановились
Неподалёку от прибрежного села.
Лица бурлаков немного оживились,
Как если б в том спасенье от ярма.

Каким путём неведомо барчук
В то месте оказался в этот час.
Впервые страшный испытав испуг,
Поведал он родителю рассказ.

Но удивить отца не получилось,
Он сам жирует на таких же крепостных.
И не ему ль порою доводилось
Справлять в бурлаки с норовом иных.

Или в солдаты, как тут карта ляжет,
Играют богачи судьбой крестьян.
Не научил их ничему огонь пожарищ,
Холопов к бунту вновь зовёт смутьян.

Недолго бурлаки здесь простояли
И снова тянут бечевой баржу.
Уж в небе звёзды ярко засияли
Остановились, приготовились ко сну.

– Самара скоро ли? – спросил безусый,
– А что с того? – вопросом на вопрос,
– До Нижнего тягать, – ответил рослый,
Эт сколько дней? – опять вопрос.

Всегда по разному, – ответил третий,
– От многого зависит, хочешь знать.
Давайте закругляться, ночь, робята,
Пора бы и немного подремать.

* * * * *

Бурлаки – 2

Бывало шумною толпой
В корчму приходят мужики.
На стол засаленный и грязный
Летят со звоном медяки.

Да много ли дадут бурлаку
За тяжкий подневольный труд.
Сбегая от податей и оброка,
Глядишь, другие набегут.

Галдят бурлаки меж собою
И пьют хмельное, чтоб забыть.
Работка та ещё, завоешь,
И остаётся только пить.

А где-то жёны и детишки
В глухой и чёрной нищете.
Здесь девки, водка и картишки:
Разгульной жизни фуэте.

Здесь чарка водки уравнивает
Скитальца беглого и богача.
Шумит корчма, народ гуляет
Лишь воском капает свеча.

Не воск, а слёзы угнетённых
Свеча роняет в полутьме.
Но только разум опьянённых
Твердит: побудь ещё в корчме.

Бурлаки – 3

Было раз, бурлаки норов
Показали пред купцом.
Не смотри: купец, что боров
А забегал удальцом.

Где он только экипаж
Смог наёмный отыскать.
Вслед от этого типажа
Пыль осталась оседать.

До Симбирска недалёко
Слышен звон колоколов.
Ох, тогда гуляла плётка,
Ох, гуляла, будь здоров.

Не жалел подручный силу,
Бил с размаху, кожу рвал.
Со скамьи стащили Нила,
Богу душу Нил отдал.

Следом Федьку уложили
Растянув на всю скамью.
Он мужик хотя и дюжий,
Плеть прошибла и его.

Встал, пошатываясь, Федька
Посмотрел окрест кругом.
– Любит нас страна, родненька,
Плёткой любит и кнутом.

Хлещут слева, хлещут справа
В день мордуют и в ночи.
Нет на них нигде управы
И ты знай своё, молчи.

– А ведь прав, никак иначе, —
Кто-то молвил из толпы.
Наша жизнь ничто не значит,
Ну не боле, как клопы.

Словно скот, любой хозяин
Над тобою Бог и царь.
Только что на лбу не выжгли:
Раб по жизни, божья тварь.

А купец стоял в сторонке,
Лясы с сотником точил.
Что ему до Федьки, Хомки,
Он немало их сгубил.

Но и тут он острым слухом
Недовольство уловил.
– Всех пороть! И гневным взглядом
Будто к месту пригвоздил.

Вот и ныне свою власть
Бурлакам он показал.
Как легко у нас пропасть, —
Недовольным наказал.

До Саратова ли тянут
Баржу с грузом бурлаки.
Не один разок помянут,
Тех, что отдали концы.

В каждом хуторе, селенье
Похоронен кто-нибудь.
То ли жил, а то ли не жил,
Здесь закончил скорбный путь.

Почерневший крест укажет:
Мол, такой-то погребён.
Но никто вам не расскажет,
Сколько в жизни вынес он.

И теснят по всей России
Стон и плач со всех сторон.
Царь же мнит себя мессией,
Крепко держится за трон.

Только ль разве бурлаков,
Теснили крепостных, крестьян
Страна вельможных батраков
И разоряженных дворян.

* * * * *

Вера иль безверие?

Вчера мне всё казалось по другому,
Но новый день иные нотки внёс.
Любую можно чушь вдолбить блажному,
Кто жил в придуманном, чужими, мире грёз.

Химеру он шальную принимал за веру,
И ликам бил поклоны беспрестанно.
Но лишь не преступал он за барьеры,
И словно ёжик пребывал в тумане.

Сие мне всё казалось невозможным,
Нельзя утопией реальность подменить.
Препятствие реальное воспринимать условным,
И с этим грузом продолжая, дальше жить.

Наивный, как же глубоко я заблуждался,
Уверовав, что разум восторжествовал.
Признаюсь, легковерно в людях ошибался,
И несуществующее людям приписал.

, * * * * *

Память

Когда стираются тени за моим окном,
И в сумерках слабеют очертанья.
Незваной гостьей врывается в дом
Память, воскрешая воспоминанья.

Я двери запираю и окна на закате,
Устал я помнить, что забыть нельзя.
Невозмутимым быть, как на плакате,
Она ж твердит, что мы навек друзья.

И коротает ночь за следующей ночью
И не смыкаю глаз я до утра.
Она ж смеётся: до вечера, до встречи.
И упорхает в неизвестность, в никуда.

Исчезает, чтобы вечером вернуться...

* * * * *

Тебе...

Твои уста, что маков цвет,
Глаза сродни беззвёздной ночи.
Не льщу я, Боже упаси, о нет,
Лишь подчёркиваю разницу среди прочих.

В тебя я тоже был влюблён, зачем лукавить,
Загадкою манили эти губы и глаза.
Уж сколько лет прошло, нельзя представить,
Но стоит вспомнить – выступит слеза.

Слеза обиды, что не смог я разглядеть,
Не распознал я будущность с тобою.
К чему теперь об этом сожалеть,
Всё нынче в прошлом. Всё пустое.

Любовь здесь больше не живёт, но! Всё ж
И новый день на прожитый похож.

* * * * *

Верь

Ты поверь, что счастье прорвётся,
Даже если такое, бывает не часто.
Ярким солнцем в сердце ворвётся,
Просто верь. Ведь это так просто.

Верь, что в небе ночном твои звёзды
Загорятся однажды свеченьем.
Верь, и в явь воплощаются грёзы,
Не отгаливай только сомненьем.

Как бы длинную ночь не казалась
С рассветом вокруг рассеется мгла.
И сбудется всё, о чём лишь мечталось,
И даже больше – о чём не могла.

Небольшие стихи на детскую тему, что для меня не то, чтобы не ново, но не привычно...

Маленькая девочка с книжицы большой
Сказочки читала куколке своей.
Про принца благородного и красивых фей
Про Золушку читала, громко и с душой.

Солнышко в оконце ласково глядит
Слушает, наверное, что кукле говорит.
«Станешь меня слушаться, Бог ты наградит
Знаешь, Он такое чудо сотворит».

Кукла смотрит молча на девочку, вокруг
Даже котик смотрит, глазом не моргнёт.
Он давно считает: девочка мой друг,
Если что сказала, значит, не соврёт.

«Прискакал к принцессе к замку на горе, —
На странице книжки во второй строке. —
В королевском поднял шум он во дворе,
Будто притащил им, принц кота в мешке.»

Я читать устала, – малышка говорит, —
Тихий час устроим, а куколка молчит.
Книжку отложила: пока ты полежи,
Ну а ты мой котик, будь добр, не ворчи.

Дон жуан

Он мне пел про искусство
Про Джоконду Да Винчи.
Про высокие чувства
Что потеряны нынче.

Про Джордано из Нолы,
Что был предан огню
Он рассказывал, словом,
С чистой верой всему.

Как читал он Шекспира,
Млела я от речей.
Мне под ноги полмира
Он бросал, свет очей.

Ну и как не влюбиться
Джентльмен, как-никак.
А что хотел поживиться
Ни за что, просто так

Поняла слишком поздно,
Он растаял, как сон.
И опять серость будней
Как зачитанный том.

Огонь любви

Пламя пляску свою завершило
Лишь мерцают угольки в золе.
Так скажи мне, ведь что-то же было
Между нами на этой земле.

Томный, помню, я взгляд с поволокой
Как хотелось мне в них утонуть.
Той весеннею ночью безлунной
Всё прошло, ничего не вернуть.

Отгуляло, отшумело, отсмеялось
Затерялось в безбрежной дали.
Так скажи мне, ведь что-то же было
Между нами на этой земле.

* * * * *

Автобиографическое – 2

Прошлое моё вам неизвестно,
Как неизвестно, чем живу теперь.
Пусть я в этом городе не местный
Я найду, где мне откроют дверь.

Я не тот, кого вы себе мнили,
В стандарты не загнать меня.
Я могу быть быстрым, как стремнина
И на скаку остановить коня.

Но могу быть недвижим, как камень
Никому меня не растолкать.
Быть горячим, словно адский пламень,
И сгоревши, снова воскресать.

Я ведь сам себя порой не знаю
Куда иду и что влечёт меня.
Одно лишь я осознаю и понимаю,
Что дни мои по-прежнему звенят.

* * * * *

Однажды ты поймёшь

Ты легко распрощалась со мною
Ни упрёков, ни каких-то обид.
Нет, вины за собой я не знаю
Почему же так сердце болит.

Отдала ты меня будто вещь
Отдают за бесценок другим.
А потом, через время, поймешь
Не нашедши счастья с чужим.

Ты сейчас отдаёшь без отчёта
В дым табачный, в объятия шлюх.
У гордыни такая ж работа
Голос сердца пока ещё глух.

Дни, недели пройдут в суете
Но наступит минута такая.
Всё не так и вокруг все не те.
И захочешь вернуть ты Аскольда.

Но вчера ты меня отдала
И меня не считаешь потерей.
Ты не мне, а себе солгала
Обольстившись чужою затеей.

Полярникам...

И вновь снега на сотни километров
И лишь луна нам освещает путь.
Земля медведей белых и суровых ветров
И если я исчезну, ты меня не обессудь.

Ведь я не первый буду в этом списке
И не мне последним в списке быть.
Но только знаю: есть мой порт приписки
Где память обо мне веками будет жить.

Сейчас вперёд мы направляемся по льдинам
Нас манит тайна неизведанных земель.
«Фрам» Нансена или «Заря» Седова
Нам явственно указывают цель.

Нас не понять салонным джентльменам
Что видят жизнь лишь из окна карет.
Неведомо таким: иная есть картина
Когда вокруг кристально белый снег.

Где тишина звенит хрустальным звоном
До неба, дотянись, рукой достать.
Лишь тот достоин называться человеком
Когда всё это сумел душой принять.

Усы и борода заиндевели

Усы и борода заиндевели
Но в глазах сверкает огонёк.
Ну что, ребятки, полетели
В наш родной полярный городок?

Пусть ночь у нас бывает по полгода
Зато нигде вам не увидеть той красоты.
Когда цветными сполохами небо
Раскрашено артистом в технике глассе.

Нигде такой красоты не встретить
Когда здесь лето и сутками светло.
А встретятся вам белые медведи
Так то вам просто крупно повезло.

А лежбища тюленей иль моржей
Когда числа их нипочем не сосчитать.
Вас в плен захватит красота морей,
И никуда не пожелаешь уезжать.

О БЫЛОМ

Забудь, что нас с тобой когда-то
Незримо связывали чувства.
Забудь про всё, забудь и даты,
Забудь мои невольные безумства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.